

Затем вил. гнали через городок Дахау в 11 лагерь.

Привели к небольшому сараю зашто, мост, а внизу выростай Др. зашит водой.

Это была проходная в лагерь. Железные ворота, на них надпись. Das arbeits macht frei (работа даёт свободу).

Прошли через ворота, перешли.

Концлагерь Дахау, один из первых лагерей фашистской Германии, где умиривали патристов, которые были несогласны с фашистским режимом, большой частью немецких. Когда-то до войны смотрел фильм. Болотные солдаты и профессор Шамлок. И не гадать, его понаму в этот ужасный лагерь смерти!

Первое, что бросилось в глаза, это большая площадь (Апельплатц), место где проходили казни, насилия и проверка по слезу узников. На этом месте с 1933г. умигтовали, вешали пурших снков антифашистов и видных немецких ученых, тех, кто был против фашистской кулы.

Фашистские выродки Гимлер, Геринг, Гиблер. То утажжениам данными в KL Дахау пришло 206206 заключенных из них с 1933 по 1945гг. умигтовлено 31591 заключенный.

Баня, стрижка, обработка вонючей жидкостью. Дали кофодки (гольцичу), полосатую одежду. Все остальное из себя.

Из бани гнали в холоде на карантинные блока (баракы).

12.
Поместили на 17 блок. От одного только
вида узников, то были скелеты: кожа и
кости, становилось страшно, а на
всех ждала такая же участь. Зарегистрировали

Я назвался Савицкий Александр из
Згуровского района Болотовской области
Тюрьма №2, немец по фамилии
Титценгер выдал мне красный винкель
(треугольник) с надписью R (русский) и
Кваген белого материала, где указан номер
59998. Так и жил, где и как привык.

С тех пор я стал номером. В лагере
по фамилии не называли только по
номеру. В тюрьме №2, а их в блоке было
4^е и 5^е входа, где староста блока был
Капо Вилли - немец, бандит с зеленым
винкелем, шла своя обидная жизнь
заключенных узников.

Нас стригли, праждали, пошито Еврей с
нашивкой, звездой на спине и
подстригал так, это в середине головы
был прорез, а по бокам оставалось длин.
волос. Мы это называли Гитлерштрассе.
Мне судьба этого человека осталась не
известна.

Уже через некоторое время узнать нас
было невозможно. Мы стали такими же
скелетами, как наши предшественники.

Кормили: От одной 400-граммовой
буханки хлеба с опилками на 4хзаконных
Арварок: Варенная брюква - колерава, 0,5 литр
и жира - эрзацкофе.

Когда делили хлеб, один выкрикивал, кому? 13.
А сам стоял спиной к деловице.

Баланчей, так назывался этот приварок,
без вкуса и запаха.

Мысль и душа у заключенных была
одна: как добыть чего-нибудь и поесть.
Ведером две-три гнетале картошки и скорово
эрзац-кофе.

В лагере не выжидали те, кто совсем
терять надежду и интерес к жизни и
окружающим и надежду на спасение.

Закастыю како выгонял на проверку в
хозпод и уряды, люди падали, он их избивал.
Староста блока мог тебя избить, ударить, лишит
пайки хлеба, приварка. Он был поставлен
Гессовыми на ками. Я ведь он такой же
как и мы был заключенный и носил такую
же полосатую одежду как и мы с номером,
только в настоящих ботинках и выглажен-
ном полосатом кашемир. Он был немчу.

На работы из карантинных блоков не брали,
едешь уркики умирали от голода и болезни.

Это было место выживания.

Концентрационный лагерь Дахау все больше
входил в нашу повседневную жизнь.

Мы стали втягиваться в новое русло нашей
жизни. В лагере проводились эксперимен-
ты над уркиками. Гессовские враги
своими методами подвергали уркиков
такими методами, что они не выживали,
а если и выживали так не надолго.

Обречены были поляки, гехи, югославы, итали-
анцы немцы-антифашисты и безучастно
русские военнопленные и те, кто был
заключен в этот лагерь.

В застенках и камерах лагеря убивали, морили голодом, избивали и лишали человеческого достоинства.

И все же люди жили и боролись, старались быть вместе, помогали друг-другу.

Тяжко эсесовцы заходили на карантийные блока, только, когда была проверка.

Все выполнялось блоковыми, штурбовыми-капо. Они были: твой бог, твоя жизнь.

То немкожу стали брать на работу, кто мог передвигаться и был более крепким.

Стала появляться картошка, дрожка.

Те, кто работал стараясь незаметно переки-еги из рабочих команд, жать и дали все-возможные проверки.

Как-какие известия стали просачивать-из воли.

Где-то в середине 1943 года, утром в улан-валовнике (ваширауи), кто-то меня откликнул

: Яша не узнаешь меня? С июня 1941 года я уже забил настоящее свое имя, а Яша давно самца. Меня узнал мой сосед из Киева, проживавший по ул. Тнзельса Эдуард Экерт. Все выполнялось. О многом переговорили. Весели май тогда по-34-35 кг. Были настоящие скелеты.

Я себе сказал о себе: В Киеве попал в госстапо за подделку документов (ацвайсе) для товарищей. Находился в лагере на Керосинной, а затем вывезли в концендрационный лагерь смерти Маутхаузен.

Благодарю, что у меня хорошо рисовать выжил. Фюререт бляковского решил его судьбу.

Его определили на рабочую команду.

Транспорт проходил через концлагерь Дахау.

Все, что было в моих вещах я помог ему. Встреча была короткой. Был я угрозами плен в рабочую команду.

То время, выделено в лагере существовала подпольная организация из немецких товарищей, куда и входили наши русские военнопленные.

Неблагонадежных заключенных, которые были на учете в лагерной администрации старались выводить из лагеря на рабочую команду (аускомандо). Так писарь штурба вынул мою картошку и я оказался на транспорте. Рабочая команда. Мюльдорф, это небольшой

в лесном массиве завод, который усиленно охранялся. Работали узники в главной чече завода. Под непосредственным наблюдением вольнонаемных немцев автогеном резали стальные листы с подбитых танков.

Охрана SS с собаками, непосредственно в чече. Лагерь находился в лесу, огорожен стеной и колючей проволокой, под электрическим напряжением.

Тупейные вивши, охрана, директора.

Два барака для заключенных, а также в центре лагеря строения для охраны и подсобные помещения.

В середине 1944 года были слышны отзвуки П. Спренга.

Избиение и унижение со стороны капо, старост^{16.}
блоков, солдат SS, мы чувствовали на себе
ежедневно. Голод, холод и непосильный труд
на заводе уносили многих наших товарищей.

Мы ждали освобождения, фашисты зверели.
Некоторые немецкие функции были связаны с
работами. Появились газеты, вести с воли.
Охрана при налетах англо-американской
авиации загоняла нас в бункера, ставила
пилью и стену с поднятыми вверх руками.
В это время думали, что пришел конец.

После налетов, снова выгоняли на работы.
Помню, под № 9 капо у нас был немец,
старый заключенный Тотлиб. О нем
я написала в Термишто в своих воспомина-
ниях. Он оказался антифашист из Мюнхена,
один из первых попавших в КЗ Дахау.

После возможности он помогал нам там, мог.
Мы с чувством благодарности помним этого
немецкого товарища.

Второй фронт приближался, а с востока
шла наша радная армия.

Фашисты гнали нас на запад в сторону на-
ших союзников.

Тривал. Мы изнемогали от усталости.
Многих немцев пристреливали в дороге.
Лесной лагерь без баряков, одни землянки,
огорожен проволокой. Солома, деревянные
настилы в землянках. Видно мы здесь были
не первые. Здесь прошла не одна команда.
Многие здесь остались навсегда.

Группа наших товарищей военнопленных из 17 человек, из них Николай Коскин из Ленинграда, Леонид Кудачев из Сибири и др. товарищи.

Мне поручили наметить место побега, набить колодышки, что я и сделала в темноте.

Охраняли нас солдаты (вермахт).

Инструмент был приготовлен еще с завода.

Познали проволоку и мы вышли на волю. Еще не верили, что на свободе, а душа радовалась. Дней мы не шли, а шли козью, на Восток. Стали появляться белые сраги на дорогах - признак капитуляции.

Удба было тяжело, уставали, да и сил было мало. По дорогам стали появляться первые иностранцы рабочие, военнопленные. Встречали в лесах преступные земляки мошлы. Францезы замечали следы своих преступлений.

Кое-что можно было достать для пищи. Много ест, старший группы сг. лейтенант Н. Коскин, не разрешал.

Туть нашу ледяк на Восток и едем.

Часто встречались с армией союзников и чувствовалось, что войне конец.

Мы еще не совсем осознали, что остались живы. Встречали: Французов, Чехов, Польков, Италианцев, Югославов, многих военнопленных, вывезенных на работы в Германию, а так-же и бывших уже концлагерников и немцев, шедших по дорогам своей страны.

Встреча с нашими солдатами произошла в 18-
районе небольшого селения Трегарти, где
проходила деморкационная линия по шоссе.
Гемини, с одной стороны стояли танки с белыми
звездами, а с другой с красными.

Трогательные рукопожатия, благодарность
за освобождения. Впервые увидели погоня.
Это была победа.

Первые проверки на армейских пунктах
защесь со слов вёв концлагеря Экуме-
нтов не выдавали. Не многим выдавали
тем, кто был непосредственно освобожден.
А у многих лагерях документ выдавался
непосредственно лагерными комитетами,
как это было в кт Дакау, подписанный
Забовици при освобождении. Все сведения
находились и находятся в архивах Германии.

Наших товарищей - военнопленных отоб-
рали, вёв они служили в казровой армии.

Меня и моих товарищей направили в
г. Вену (Австрия), где находилась сборная
пункт всех вывезенных французов в
Германию.

Эрхсгайт (Двурсгайт запасной полк).

Перевели немецких тяжелых лошадей
через гост Австрии, Венгрии, Бессарабью, для
восстановления разрушенного войной на-
родного хозяйства.

Буть был тяжёлый при 25-30% жары.
В Унгенах лошадей сдали.

И вот ма на Радиче.

С обещанием она нас встретила.

Погрузили в эшелонах и привезли на шахты¹⁹
Фонбасса. И снова тяжёлый, непосильный труд
в шахте и это после концлагеря.

Там же сошёлся с прозой украинской френчиной,
которая тоже имела срок заключения по тем
временам. Работали вместе с немецкими
военнопленными, только они были с конвоем
и мы нет.

В шахте № 47 Ворониловзводчоль проработал
более двух лет. Там же родились мои две
дочери Галочка и Рита.

В Киев пошёл только в конце 1948 года
Семь лет я был под дружкой именем и
фамилией - Савицкий Александр. И счастье
нашлось в архивах моя метрическая выписка,
и я снова Яно Трапчук.

Хрещатик был разрушен. Все было в
развалинах, мой дом на ул. Мереттовский
сгорел. И все же жизнь продолжалась.

В 1949 году поступил на фабрику музыкаль-
ных инструментов (Музкомбинат), с
тех пор работаю мастером-настройщи-
ком роялей и пианино.

Все написанное мною, это краткое по-
веествование. Я не писатель. Разве
можно все пережитое написать на этих
страницах.

Я писать можно много: во имя Мира
на земле, для наших детей, внуков,
правнуков, чтоб они никогда не
мыслили ужасов войны.

Проходят годы, десятилетия, но в памяти
останется, во имя чего наш народ победил.
Миллионы жизней унесла война. Еще много
не посчитала сколько.

Мы, бывшие узники концлагерей эти
напомним погибших, не доживших до
победы. Этих напомним тех, кто нас осво-
бождал и жизнь отдал за победу над
фашизмом, за светлое будущее.

А. Кошур.

Спогади ув'язненої концтабору Талалаївка
Тальської Бузі Львівни

Копія

I

Я Талальская Буза Львовна девичья
фамилия Лейбевит родилась в 25 октября
1925 года, бывшая Киевская область
а сейчас Черкасская область УССР
Украина, когда началась война
с фашисткой Германией 22 июня
1941 года, я и мои родители отец
Лейбевит Лейб Абрамович, мать
Лейбевит Рива Абрамовна, сестра
Ханна Львовна, были и находились
в городе Умань, 30 июня 1941 года
был выслан десант немецких
танков, и немцы оккупировали
город Умань, через несколько
дней после оккупации города Умань
т.е. в первых числах августа
1941 года немцы устроили первый
погром, хватали и расстреливали
людей, особенно еврейскую нацию.
Львосты, люди начали прятаться
где только могли, наша семья
и некоторые наши соседи уехали
спрятаться на чердаке соседнего
дома, мы за собой забрали Ленинку,
целую ночь зрелища стрельба
кричали не своим голосом,
а под утро все стало тихо,

Люди начали выходить из тайников
 начали расходиться по своим домам,
 После этого в погрома сдвинули обложку
 собрали евреев в том числе нашу
 семью и поместили в Гетто, которую
 устроили на территории Уманского рынка
 (района) где мы находились с октября
 1941 года по 22 апреля 1942 года,
 там тут же велели сделать из желтого
 материала круглые знаки, на эти знаки
 пришивали на одежду, на спине и на
 груди, вообще ничего было видно,
 чтобы мы отличались, когда мы
 находились в Гетто, кто-то сделал
 пожар в подвале это рядом
 с Гетто и конечно обвинили
 что это сделали евреи, тут же
 нас выгнали тушить пожар, расстреливали
 на ходу и тут же взяли 4 врага
 и их повесили на заборе, поиздевались
 как они уже хотели, немцы и полицаи
 особенно отличался полицей Панченко,
 он сильно издевался над людьми,
 мы в Гетто голодали и надо было
 просить кусочек хлеба,
 но мы уже все продали, и надо
 было это так предпринять.

и я решила из Гетто выйти, на
 последние знаки мажину большой
 платок и пошла в город, и
 тут же меня забрали немцы,
 завели меня в Командантуру и тут же
 мне дали 25 розги и велели
 через 2 часа занести 1000 рублей.
 Если я не занесу меня расстреляют,
 мать ходила подаявая в Гетто
 Собрали этих денег и меня
 отпустили, а через 10 дней в
 Гетто нас пострелили по 5 человек
 в ряд и тут же полиция и немцы
 отбирали людей которые могли еще
 работать, а детей и стариков
 увезли на машинах и расстреливали
 за городом в известной Уманской
 Яме, После освобождения города
 от немцев там соорудили наемник
 расстрелянным франкистам евреев,
 ежегодно посетил города и других
 городов навещают это священное
 место, где расстреляли до 20 тысяч
 евреев. В апреле 1942 года мою
 родителей сестру и меня забрали
 и увезли в конц-лагерь
 Кузбаша - Гребля,

Кристиньского ручья, с этого концлагера
 Катсвиш гетто убавили очень много
 евреев детей и стариков и расстреливали
 в этом лагере, остались очень мало,
 нас звали в лагерь село Михайловка,
 Винницкая область, родители были истощены
 болезнями они находились в лагере в село
 Михайловка, меня позвали на работу,
 но уборка гетто грезь смер, после
 работы нас звали в лагерь где мы
 находились в клунях где содержались
 когда-то коровы, когда я прибыла
 вечером в конц-лагерь, моих родителей
 многих евреев были расстреляны,
 мне запомнилась полицай изверга
 Сокирский это был сырашино
 издвигатель, за то что я назвалась
 подметать лопату которое вывала из
 рук он поднял груды и бросил мне
 в лицо от чего у меня коньяне
 шрам на лице около носа,
 он сильно издвигался когда нас
 звали на работу кризач бегом
 на гору, кто уже не мог бежать
 тут же расстреливали, мне запомнилась
 приезде немца какого то нагабника
 которого звали д-р Трубер

Когда меня вывели из машинки
 к келье на берегу прибился полицай
 Сокирский но приветствовал его
 для того чтобы выслушается
 показывал как надо нас бить
 евреев и унижать, был нагадком
 ногами, руками, в начале 1943 года
 нас перегнали в конц-лагерь Талаяевка
 Христининского р-она, через некоторое
 время я познакомился в конц-лагере
 село Талаяевка с еврейской парней
 по фамилии Талаяевский Яков Исаакович
 и мы с ним договорились, что если
 мы останемся живы и мы
 поженемся, он часто со мной
 встречался, меня звал, позднее
 время в конце 1943 года мы с ним
 о том что 13 декабря 1943
 будет облава и расстреливать,
 началась паника, слезы, начали
 советовать с Талаяевским Яков
 и договорились совершить побег
 из конц-лагера, мы прятались
 в скирдах в соломе, советовали
 куда бежать, мы ночью в лесу
 встретились несколько летунами
 с вытесками,

6

Запомнилось Барашев Михаил и Нагайский
Еврей, они нас начали спрашивать
Кто мы и куда мы идем, это
оказалось Украинские партизаны,
они предложили Якову пойти
с ними в партизанский отряд
Меня они не взяли потому что
я была очень слабенькая, Источники
посоветовали и провели меня
в сторону с Росовики, я так
и сделала, растались и попрощались
я долго бродила и пошла в
Село Росовике, Христиновскую рощу
ходила по домам просила еду и
приюта и пошла к одной
крестьянке в селе Росовике по фамилии
Бонис Васелина Микитовна очень
добрая женщина, она меня
и рискнула своей жизнью оставила
меня у себя дома и сказала,
что если зайдут соседи или
мелюзга, будешь прятаться в клуну,
она меня накормила и очень рада
и сказала если будут спрашивать
кто я говори что ты из соседнего
села, я медведи похороше на еврейку
носила белый платок и

6

Запомнилось Баранов Михаил и Нагаевский
Еврий, они нас начали спрашивать
кто мы и куда мы идем, это
оказалось Украинские партизаны,
они предложили Якову пойти
с ними в партизанский отряд
меня они не взяли потому что
я была очень слабенькая, Итожина
посоветовала и провела меня
в сторону с Росовики, я так
и сделала, растались и попрощались
я долго бродила и попала в
село Росовике, Хрестиновской рощи
ходила по домам переселя еду и
приюта и попала к одной
крестьянке в селе Росовике по фамилии
Гомис Васелина Микитовна очень
добрая женщина, покормила меня
и раскнущая своей жизнью оставила
меня у себя дома и сказала,
что если зайдут соседи или
медведь, будешь прятаться в клуну,
она меня накормила и очень жалея
и сказала если будут спрашивать
кто я говори что ты из соседней
села, я медведя похожи на еврейку
носила белый платок и

8

Которые присутствовали в Германии
как свидетели на судебном заседании
в Германии где был судим немец,
который был в этом лагере, и
уничтожал евреев, Куцница Эва Пригоревна
Живей в Израиле

Прилагаю решение Уманского Горнарсуда
от 19го 1990г. года № 2-1061 от 19го 1990г
Который после исследования материки
Установил фактически нахождение
Татьяны Бузы Лвовны в Уманском
Гетто с Октября 1941г по 22 апреля
1943г. и нахождение в Кочпетерс
с 22 апреля 1942г по декабрь 1943г
Татьяна Бузы Лвовны

Сейчас живу

755 Kenilwood St

Apt 105

Philadelphia ~~PA~~ 19116

Телефон 673-07-71.

БУЗНА ТАЛСКАЯ.

Спогади Шафировича Еля Гершковича
Події, пов'язані з перебуванням у гетто у 1941-1944 р.р.

Шафирович Еля Гершкович.

Автобіографія.

События, связанные с пребыванием в гетто в 1941-1944 г.г.

Е. Шафирович Еля Гершкович родился 24 февраля 1932 г. в городе Могилев. Жодзевский Виленской области, Украина, в семье рабочего типографа, перенятника Шафировича Терция Львовича, 1900 г.р. Мать мамы Эля Моисеева 1904 г. рождения - домохозяйка. Родители мои были религиозными, читали и писали, занимались тем и другим. В 1938 г. у родителей родился дед Эфим. До войны я перешел во II класс средней школы.

22го июня 1941 г. мы уехали поехать к сестре мамы Хане Вайсман на ул. Улорты, 10 (недалеко). Отец остался поживать в квартире на ул. Рассвет. Францисты бомбили город. Баба пошла в наш дом, 2 брата мои, на площади Ленина, и разрушила его. Брат отца Дикаль и его жена Манка - наши соседи - погибли там. Но отец остался жив, был ранен и контужен. Но обидному состоянию здоровья он призыву не подлежал.

Нас приютила у себя семья Вайсмана 16-го Борисовича 1904 г.р. и Хань Моисеевна 1901 г. рождения и их сыновей Семён 1930 г. рожд. и Моисей 1934 г. рождения, а также мамы Эли и Хань Моисеевички Туды Моисеевны Вайсманов, 1884 г. рожд. в старом деревянном земляном доме из 3х комнат с просторным двором, строящимся сараем и запертым садом. Всего нас оказалось 9 человек. Дядя Левя работал трактористом по сбору небаблота в городе и районе. В его распоряжении во дворе находились 2 лошади и паровоз. Это знали в городе и жители соседних сёл районов. Но никакого зоревца дядю Левю в армию не призывали.

Фронт стремительно приближался. Родителям было принято решение эвакуироваться из города на двух паровозах вместе с тремя сестрами дяди Исаака Шалтей из 4 человек. Всего нас 13 человек выехали в соседний поезд. Но к концу июля сильнейший дождь. Мы укрылись в пустующей даче в сале Терновка. Странно пролетели сутки. За поездом проезжали по грунтовой дороге, зашитой дождем. Слева - лесополоса, справа - кустарники и деревьями - шоссе на деревню Тихо. Кос при-ближалась шумом быстро идущего грузовика. На какой-то красной ленточнице. Не сразу заметили на чём едем в большом кругу.

В кузове стояли евреи, взрослые мужчины, женщины и дети. Дядя нас со скорбью и комаром отговаривал, места не было.

Немцы остановились на минуту и поехали дальше.

Машина скрылась за оврагом в той степи примерно 2
Мудогинки тут же повернули лошадей в посадку. Следы
поворота скрыва вела в колее на дороге... Между де-
ревьями мы не успели отъехать далеко. Но с дороги нас
уже видно не было. Остановившись. Дашком лошадей -
горбы на головы. И тут вернулся грузовик. Крики: "Оде ком
Нир!" повторилось 3 раза. Никакого ответа. Лошади не драли.
В сумеречный лес конюхи не пошли. нас берет всемогущий
Машина ушла. А мы очень осторожно двинулись проселочной
дорогой обратно. В торде нас уже встретил гетто. Это были
улицы, прилегающие к базару. В том числе и наша ул. Цыруны.

Вероятно базар - карунай граница гетто. Т.е. базарная
площадь было покупать, продавать, обменивать с крестьяна-
ми. Выход из гетто грозил немаленькой реальной смертью.
Это был сентябрь 1941 года. Каждый день оккупации мы встречали и
проверяли в страхе расстрела на месте, улица в концлагерь, Петер
("Леткал итд"), возвращали грабителей и насильников. Но наш горюк в
последние дни и недели оккупации массовое уничтожение. Мы
мы узнали не сразу, что бедняки в Трансильвании - румынские,
несколько менее зисков, к евреям, воспринимали как инород-
цы и халявы. Проклялась была эмиграция своего гитлера. От него
умер мой дядя Кофр Вайнтрауб. Это жемчужина гетто всего
1942 года уехали в концлагерь Петер. Больше мы их не
видели никогда. События эти не забываются никогда,
но их трудно было вспомнить. В нашей хиваран эмиграции.

С первым снегом 1941 к соседним баракам (Воружки, 8) крестьяне
из южского села Тилины привели разветвленного Семёна Голубова,
Всей семья убитая из села Борька (в 7 километрах). Немцы выжили
с остатками жителей социалистическими 120 евреями, заставили копать
ров и расстреляли, несварительно сидели охрону. Мама успела
искупить: "Тарапи" и толкнула сына, как рубль его собой в шее.

Нойман он, босый, в иврейской бейсе по мереку догравал в Тилины.
Я видел, как на его гребенке осталась большая клока волос, а
на голове, как малый, шевелюра была и дико. Он добрал до
свободы, ушел на фронт. Вернулся и уехал на Урал, пофайвил
от Украинки. В Борьке евреи больше не слышны.

Это не умереть с голоду, необходимо было и работать.
Отец пытался зарабатывать сигареты евреям с которыми он пошел
пока было вливание, но это было лишь бы, а не работа. Моему
матери было нечем.

Мама и Кофр. Семья дяди. Мы, насколько нам, если подвля-
лась возможность. Но франки мы гасили. От стрессов гетто у
меня развивалась гастрит. Мужики были в плену.

Дядя Лева посылал торговать керосином, необходимыми для 3
общественной, приготавливаемой пищи. Убавилось "закаменого" кашне-
ского купил пол-бочки. Только начал крадывать, как под-
висел "Крадavec" с румбским кандалом. Избежал до полуночи,
убежав бочку. Еще одним выходом из кашнеговина оказалась
помощь крестьян, остававшихся поживать, кризисом на базар.

Но грозной оставалась опасность угрозы в Петру.

И безразличной всего, как продолжал бегать Вассилькович.

Глубокой осенью 1942. После убийства выехали из деревни
дядя Лева и семья прибывали в сумерках ерменитки. Жилищем
из кашнегов двора уже невозможно было жить. Сосед из
двора № 8 и др. Целоруны, храмой дядя Мерклару вывозил
мешки впереди себя на лошади поспешными. Насрзу украин-
и мерклару похотел в своей бок. Нашей бригады для
раемрава - сзади. К счастью, рана оказалась кету-
совой. Но мы очень опасались дальнейшего пресле-
дования. нас мудро и смело забыли сосед-украинец
из дома № 19 по ул. Целоруны Павел Петрович Власюк.

Узнав об инциденте, он поспешно возманил вступить
с нами на следующий день с одиозом. С тем они говорили
мне неизвестно. Но больше угрозы и приставаний не было.
Особенно, рать шла о том, что мы живем не поспешными
день, шикет светел думать о будущем.

Семья Власюков - его жена Александра и дети Майя, Кети
Коль 4 лет запомнились мне как молодой дядя Павлуша
1952, рождения и тетя Саша 1948, рождения на всю жизнь.

В 1944 году в их семье было уже пять детей. Их дом -
в глубине двора. В этот же дворе, но у дороги на вокзал
находился магазин, где проживал брат Павла Петровича
Василий Петрович, 1920 г. р. с женой Ольгой, 1924 г. р. рождался.

Украинцами и русскими разрешалось и поощрялось профанание
в гетто. Павло Петровича со званием вайсманом и его семейство
добавленные соседи и деловые отношения. Павел Петрович тогда
работал бухгалтером на грузовике. Он уже воевал. Но его раса
пошла в оккупацию. Решивший он вернуться домой, где оста-
вался до 1944 года. В марте, после освобождения сразу пошел
в СМЕРШ, откуда вернулся в тот же день. Воевать не пошел. Мы
использовали в каком-то смысле. Жестокости мне не
известны. Братья Власюки и их жены были физически добрыми,
добрими, но осторожными и мужественными людьми.

Все четверо года оккупации они спасали нас,
дядюшек из двух семей от верной смерти. Они старались
не рисковать своей жизнью в начале оккупации.

4
Сараевский сад Власюков не был отгорожен от старого сада Вайсмана.
Нам было разрешено во время облав прятаться в яме под
орехом. Ее глубина в человеческий рост прикрывали
низкие ветви. Но очень скоро им пришлось рисковать свои-
ми детьми и собой, скрывая нас в дворовых постройках и
в доме при внезапных облавах. Это удавалось, пока был
жив брат Василий Петрович. У него машиниста паровоза, он
на сквозняках заболел острым ревматизмом, болел дни мучитель-
ными. Но другой работы не было. И он устроился полицейским.
Сотрудясь на облаву, он успевал своевременно сообщать о
ней брату, значит - нам. Его друг был ближе к вокзалу,
откуда шла облава (и он в том числе), там наши дома. Трупики
оставались у него переждать и выжить. Всегда при-
бегала к Павлу Петровичу за самогонкой. Слово "облава"
успевало долетать наши дома. Еврейские соседские
семьи спасались, кто куда смог убежать из дома, беловой
частью - успешно. В дом и сад Власюков - старших облава
не ходила. Но осторожные Павел Петрович и Александра
всегда могли отказать, что знали о наших нахо-
ждении под орехом в своем саду. Самогонка и
закуска укрепляли знакомство с полицейскими и
Кацманом - румыном, кореткомогом таежным -
серебряноблещ, каким он заманился мне.

Привычке брата Василия Петровича Павла Петровича, оговорок,
не без осваивания слухом наезживим, пока жив брат Василий.

Я могу сейчас предположить о некоторой взаимопомощи
со стороны нашей семьи Власюкам. Помню и башки,
детишки, которые нам давали Александра и Ольга
Власюк. Только мне их кушать много не везло было.

В 1942 году Василий Петрович Власюк часто и тяжело болел.
У него не было ни денег, ни лекарств. Облава нагрянула в осенний
день во главе с тем же Кацманом-румыном. Они зашли
вначале проверить Василия и застряли у него, убогадов.

К Павлу Петровичу прибежала Ольга за самогонкой, облова!
В саду она и мать, укрытия не имела. И Павел Петрович
показал нам по дворовые свои постройки, жесб.

Маму, бабушку и сестру он спрятал в доме на крыше.
Кацман все же пришел в дом Павла. Войки было мало, в
Сидови встретил думиач. Они наши слова и с закуской к
Василию. На этот раз обшлось. Облава злила в наши
дома и дворы. Искани в каждом уголке. Но ведь нас там небы.

взды из дому, что оставалось и прилюдно.

5

В 1943 году Василий Петрович Власюк скончался.
Вероятно, кто-то донос о нашей возможности укрываться.
Но об огерейной атаке Павла Петровича предупредили друзья
Василия. Сын. В саду не спрятались. И Павел Петрович снова
решился спрятать нас, кого возворе, а кого-и дома. Тете Хае
Вайсман он велел лечь в постель и застелил её одеялами и подуш-
ками. Каирам замёл в дом. Все коммунистских остались
у входа. Высокую постель возвала подозренье и была
тут же разворожена. У тети Хае были слыты колеса и
серёжки. Из сараю и сивман, как Павло крикнул Алексан-
дре: "Не пускай сюда Леву!" Он был спрятан в кладовке
рядом. Как в конце козже, было совершено насилье
Каирамом. На этом он успокоился и ушёл с коммуни-
стами без дальнейших поисков. Об этих событиях
при нас, детях никто из взрослых не говорил позже.

В марте 1944г. немецко-фашистские обозы пошли к
стопунами через Могилёв-Богословский к мосту на
Эссетре. Он находился в километре от наших домов.
Ранним утром мы увидели на Варшавской горе
огерейный обоз. Через полчаса он пошёл к нашей
улице. Мы убежали из дому и спрятались, где умели.
Озверевшие жосовцы убили всё же соседа Николая
Савицкого у нас во дворе.

Новой мост через Эссетр был взорван вместе с обозами.
и через день нас освободили танки Советской Армии.

Вскоре бойцы наши сами оставались групп-
ками соседями. Мне было интересно наблюдать,
как ремонтирует колеса, мотор автомашины
Павел Петрович. Ужаренные и сивовы к нему и
Алексаидре Власюк у меня осталась навсегда.

В 1951 году я уехал в Ленинград учиться. Но там же наши
оставались соседями. Мне хотелось отбавить Власюкам
колесную память. И я привёз им в подарок
и кершюнокную раскитительную колесную головку
для сада. Она им понравилась.

Кроме меня были спасены от верной гибели
мои родители и сестра, ныне покойные:
Исафирович- Ферн Элевич, Исафирович Эдмонсович,
Исафирович Эсфирь Фершевна. А также сам

сестры моей мамы: Вайсман Хама Моисеевна, Лев Борисович,
второгоднее братья Семен Львович и Моисей Львович, мой
бабушка по маме Вайнтрауд Губа Моисеевна.

Ныне в живых остались только Вайсман Семен Львович,
проживающий с семьей и внуками в Гилго США,
и Вайсман Моисей Львович, проживающий с семьей
и внуками в г. Штутгарт Германия.

Считаю необходимым отметить обстоятельства
моего позднего обращения в Музей Эз Вакмен.

Как только я узнал о статусе "Гражданин Мира", то
в озерной приезде к родителям "Преступник Габилу"
Петрову Власову написать о своем воскаминном издв-
лении. Однако он как истинный, классический и шум,
которым являл с юности, ответил мне по-русски, а по-русски
серьезно: "Эйх вын нешт!" Я настаивал и добился о. Ковач
и гости этого званца. В ответ: "Эйх бэйт дэйх, Эйх мэйх
кэйт вын барф мейх нешт!" Я не понял, почему. Он
пошел и он идет все сс тут зейх арыч вынз!"

Мой Эйрариз Еврейской гордой счастливо возмаша,
это он оберегает себя и семью от косяк взмидов и
уиреот андисамидов. Мой, "Кого и зачем ты спасал?"

Не сразу звание "Гражданин Мира" начали при-
сваивать повсеместно тем, кто его заслужил.

К счастью и мудро процедура присвоения этого
звания несколько упростилась.

В Могилев-Городеке установлен неравно памят-
ник "Гражданам Мира". На нем написано 24 имени.
Хочется верить, что там найдется еще 25 и имен
наших спасителей. Это уже ушедшие в историю
Евреи. Но памятник будет служить укрепленно
дружбы и взаимопонимания евреев, украинцев,
русских и других людей, пригласивших к спасению.
И евреи диаспоры знают все, от них забывающее, что
бы вспомнить и не забыть для потомков эти имена
и события. Безусловно, все это возможно только благода-
ря государству Израиль и его международному авторитету.

Заблаженно

12 сентября 2003г.

Александр Абрамович

ЗМІСТ

Передмова	2
Концентраційний табір Собібор.....	5
<i>Вайспанір Аркадій Мойсейович .....</i>	6
Сирецький концтабір	10
<i>Гойфман Янкель Срулевич .....</i>	13
<i>Давидов Володимир Юрійович .....</i>	14
Ольгопільське гетто	19
<i>Гарбуз Іван Герасимович .....</i>	20
<i>Котляр Пінхос Львич .....</i>	23
<i>Кравцов Михайло Юхимович.....</i>	27
<i>Поліщук Яків Мойсеєвич.....</i>	30
<i>Тальська Бузя Львівна.....</i>	37
<i>Шафирович Еля Гершкович.....</i>	40
Додатки.....	45